

18+

ВАДИМ КРАКОВИЧ

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

Вадим Борисович Кракович

Атлантический цикл

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54296579

ISBN 9785449870551

Аннотация

Сборник стихов, написанных с 2000 по 2014 год. Это второе издание книги. Тематика и жанры: постмодернизм, немного лирики, баллады. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Вадим Кракович	6
ПЕРЕЧЕНЬ	7
ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ	8
СТАНДАРТ	10
ЭКСПОНАТ	12
ДУЭЛЬ	14
FIDELIS ET FORTIS	17
НЕСМОТРЯ	19
ОДИН ИЗ КРУГОВ	20
БАЛЛАДА О СТРЕЛЕ И КРЕСТЕ	21
С ДРУГОЙ СТОРОНЫ	26
ТЕМНАЯ КОМНАТА	27
НОВЫЙ НАПОЛЕОН	29
СТРАНА ЧУДЕС	31
FOR PRESENCE OF A HORSESHOE	34
ДЕТСКИЙ ХОР	36
ШУТ	38
НОВЫЕ ПРОРОКИ	43
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ВОДЫ	46
НЕИЗВЕСТНЫЕ	50
ДВЕ КНИГИ	51
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ	59
SUUM CUIQUE	63

КОНСТАТАЦИЯ	64
DER FLIEGENDE HOLLÄNDER	67
ДВА БРОДЯГИ	69
БАРХАТ	71
ГАДАНИЕ	73
БУЛЬ	75
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	77
ПАДЕНИЕ	80
БЕРИ	84
ЖЕНА ВИКИНГА	86
ПУТЬ	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Атлантический цикл

Вадим Борисович Кракович

© Вадим Борисович Кракович, 2020

ISBN 978-5-4498-7055-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вадим Кракович
THE ATLANTIC
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ
Москва 2014

Кракович В. Б.

Атлантический цикл. Стихотворения. 2014г. – 240 стр.

Автор: Кракович Вадим Борисович. Закончил филологический факультет МГУ. Лингвист. Кандидат наук.

© В. Б. Кракович, текст, 2014

ПЕРЕЧЕНЬ

Слепой отец. Отравленная мать.
Тринадцать войн. Пятьсот погостов новых.
Полвека страха. Жен бесплодных пять.
Три миллиарда круглых пуль свинцовых.

Сто городов, подаренных князьям.
Семьсот тринадцать статуй из гранита.
Сорокалетний долг по векселям.
Из янычаров набранная свита.

Астрологов – один, для колдовства.
Союзов двадцать пять. Три отравленья.
Народных возмущений тридцать два.
Четырнадцать убийств. И два растленья.

И то, за что не отдал ни гроша,
Традиция бессмысленного сорта, —
Твой дух, твоя бессмертная душа,
По документу выданная чёрту.

Войною разоренная страна,
Восстания, чума, поборы, стоны, —
Вот какова мечты твоей цена.

Вот какова цена одной короны.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Чуть изогнулись эллипсы орбит,
И Бог, войдя в Галактику без стука,
Откуда-то с Юпитера глядит,
Прищурившись на Землю близоруко.

Чтоб кожу не обжечь до волдырей,
От Солнца заслонясь своим халатом,
Бог щелкает двоих земных людей
Четырехмерным фотоаппаратом.

Кадр отпечатан – глянцевый, цветной.
Он безупречен. Он ошеломляет.
И шамкая, с трясущейся щекой,
Бог дьяволу с восторгом объясняет:

«Вот человек на снимке, посмотри,
Избранник мой, тебе с ним не тягаться:
Мужи и девы, нищие, цари,
Встав на колени, перед ним склонятся.

В его руках обещанный исход,
В его глазах огни миров чудесных,
В его мозгу рецепт лекарства от
Болезней всех, душевных и телесных.

Он полусмертный-полубожество,
И видишь, как с улыбкою святою
Второй на снимке сына моего
Приветствует приподнятой рукою».

И дьявол смотрит, узяся зрочки
В его глазах безудержного мавра,
Он надевает толстые очки,
Оправленные в кость тираннозавра.

И видит дьявол, сев на табурет,
Склонившись головой своей рогатой,
Он видит металлический предмет,
В руке второго поднятой зажатый.

Он видит, как, нарушив план Творца,
По осевой вращаясь симметрии,
На снимке замер конус из свинца,
В двух сантиметрах ото лба Мессии.

СТАНДАРТ

Я к тебе обращаюсь с платформы
Совершенно стандартных констант:
Совершенно стандартные формы,
Совершенно стандартен талант.

Примитивны мои логарифмы,
Их никто не поставит в пример:
Совершенно стандартные рифмы,
Совершенно стандартен размер.

Полуночной стандартной порою,
В искаженьях стандартной луны,
Видишь ты в главной роли со мною
Совершенно стандартные сны.

И теперь – поэтической дозы
Над тобою стандартная власть,
Совершенно стандартные слезы,
Совершенно стандартная страсть.

А постель, поманивши притворно
Из Эдема глухой немоты,
Превращается в ложе из терна
В безвоздушном пространстве. И ты,

Не желая иного исхода,
Вводишь в свой раскладной аппарат
Моего телефонного кода
Совершенно стандартный формат.

ЭКСПОНАТ

У принца блистают, синяя,
Глаза, как речная вода.
Ведет меня принц по музею,
Музею из снега и льда.

Беззвучно-прозрачны палаты,
Лишь эхо от наших шагов.
Там вплавлены в лед экспонаты
Из старых, далеких веков:

Голландские розы в витрине,
Природе застыв вопреки,
Роса – а теперь уже иней —
Вмороженная в лепестки.

Три мумии, как на картинке,
Стоят у красивых саней:
Лапландка, датчанка и финка
В костюмах эпохи своей.

Холодные белые лица
Сияют в шлифованном льду,
И, вздрогнув, я дальше за принцем
По гладкому полу иду.

Кончается здесь панорама,
И вижу: прозрачен и наг,
У самого выхода прямо
Стоит ледяной саркофаг.

Девчушка, ребенок почти что,
Корона на маленьком лбу,
Лежит под прозрачную крышкой
В прекрасном и стылом гробу.

У ног, в полусгнившей корзинке —
Шубейка, истлевшая в прах,
И две неупавших слезинки
Блестят на морозных щеках.

«А это кто?» – тихо спросил я,
Мгновенно забыв остальных.
И молния холод пробила
У принца в глазах ледяных.

И принц мне ответил, вздыхая:
«Короткое счастье моё...
Когда-то меня звали Каем,
И Гердою звали её».

ДУЭЛЬ

Раз в год, зимою, сходятся все знаки,
И рушатся глаза моих икон,
Когда порой меж волка и собаки
Кошмар мне снится тот же, тот же сон.

Приходит он ко мне уж четверть века:
Зима, река замерзшая, рассвет...
И поднимаю, целю в человека
Лепажевский дуэльный пистолет.

Иду к нему я, он ко мне шагает
Через рассвета призрачную жуть,
И мой свинцовый шарик пробивает
Ему сюртук, рубашку, ребра, грудь.

Ну что ж – убит... Но нет конца кошмару,
Ведь через год я снова на реке
Увижу лес, увижу жернов старый
И шестигранный ствол в моей руке.

Январь приходит страшным наказаньем,
Когда сбылось в один из зимних дней
Проклятие и предзнаменованье
Моих кошмаров, памяти моей:

Ночной буран – теперь уже не ложный,
Свеча и несомненная постель,
Рассвет правдивый, жернов непреложный
И неопровержимая дуэль.

Кричу беззвучно, но в ответ ни слова.
Что это значит, боже мой, друзья?
Зачем теперь – и наяву – и снова
С приятелем своим стреляюсь я?

Мы оба знаем – мыслью, сердцем, нервом,
Как все случится, все произойдет:
Начнем сходиться, выстрелю я первым,
И пуля моя грудь ему пробьет.

Все как в том сне – «сходитесь» – я стреляю,
К нему бегу, хоть знаю – он убит.
И мой Владимир, друг мой, умирая,
С дыханием последним говорит:

«Не плачь, Евгений, бесполезна жалость,
Смиренно принимаю я судьбу:
То, что в кошмарах каждый год случалось,
Теперь случилось с нами наяву.

Прошу одно – в скитаниях по свету
Найди и, если сможешь, отомсти
Тому, по чьей вине случилось это.
Я ухожу. Auf Wiedersehen. Прости».

И снова год, как сон пустой, проходит,
И снова низок серый небосклон,
С волчиной волк на промысел выходит,
И снится мне все тот же старый сон:

Пять лошадей исходят белым паром...
Мой секундант. И секундант его.
Лесок. Две пули. Пистолетов пара.
Река, рассвет. И больше ничего.

Мы с ним стоим – два смертных дуэлянта
(От примиренья отказался он),
Молчим и ждем команды секунданта,
Обеих представителя сторон,

А тот кричит, очки держа за дужку,
Дуэльный соблюдая политес,
Противнику: «Готовы, monsieur Пушкин?»
Затем и мне: «А вы, monsieur Дантес?»

FIDELIS ET FORTIS

Как хорошо – жену в лесу повесить
На первом же попавшемся суку,
И сразу же надолго, лет на десять,
Военным стать в каком-нибудь полку.

Быть благородным, совести не слыша,
Быть другом, не жалея ни о ком,
И улицы вечернего Парижа
Насиловать то пулей, то клинком.

Изящным слыть, решительным и смелым,
Слугу раз в три дни палкой избивать,
И пол-именя в карты между делом
От скуки за обедом проиграть.

И вдруг узнать с великим удивленьем —
Жива жена-паскуда, эта тля!
В церквях возносит преблагодаренье —
Как видно, порвалась на ней петля...

И более того – узнал ты тайну:
Твой лучший друг из всех твоих друзей
В нее влюбился, встретившись случайно,
И через месяц женится на ней!

Оправившись мгновенно от испуга
(Твой ум остер, твоя рука сильна),
Ты убедил доверчивого друга
В том, что шпионка англичан она.

А дальше – похищение в старом стиле...
И где-то далеко, среди камней,
Нанявши палача, ей отрубили
Главу от тела, было чтоб верней.

«Повесили — воскресла!» – с удивленьем
Ты думаешь – но это не беда:
Ведь после головы усекновенья
Никто не оживает никогда.

Смеешься, раз последний вспоминая,
Как Ришелье портьеры запахнул
И, новое задание давая,
На эту вещь вдруг с ужасом взглянул:

Предсмертная Констанции награда,
То, что не знает страха полумер —
Твой верный друг с крупинкой темной яда:
Фамильный перстень графов де ла Фер.

НЕСМОТРЯ

У месяца на небе златотканом
Чуть вверх и вправо выгнуты рога.
Река мостом и под мостом туманом
Свои соединяет берега.

Век дан земле, земля покорна веку.
С веранды дачи светло-голубой
Ты видишь месяц, мост, туман и реку,
И понимаешь с ясною тоской,

Так абсолютно, телом и душою,
Что, несмотря на лиги и года,
Я не с тобой. И не был я с тобою.
И я с тобой не буду никогда.

ОДИН ИЗ КРУГОВ

Под сияньем межзвездных стад,
В черных дырах прото-ампира,
Тихий, древний, пятнистый ад
Спит китом на волнах эфира.

Как сквозь печень, сквозь Страшный Суд,
Через фильтры систем обменных,
Теплой кровью плывут, текут
В нем модели семи вселенных.

И, среди суеты сует,
Там, невзрачный и полускрытый,
По прошествии стольких лет
Тихий, серый, почти забытый,

Есть, свисающий, как кашпо,
Отдан кельям, часовням, клетям,
Круг, где женщины плачут по
Всем своим нерожденных детям.

БАЛЛАДА О СТРЕЛЕ И КРЕСТЕ

Миленький мой, со мной от вечерней
Ты был до утра зари,
Ночь проскакала пятнистой серной
И звезды, как янтари.

Миленький, я под твоими губами
Краше была весны,
И мой плач опадал снегами,
Когда расставались мы.

Миленький, солнце мое земное,
С тобой расцветаю я,
Но знаю – простимся, я дверь закрою,
И вянет душа моя.

Смертные мы, наш удел короткий,
Краткостью той скорбя,
Орех посадила у узкой тропки,
Где встретила я тебя.

На пальце моем блестит ободочек
Серебряного кольца,
И дал ты еще мне в одну из ночек
Клетку, и в ней скворца.

Пью я любовь, как огонь пожара.
Шепнув: «Носи, не забудь!»,
Тебе я крестик нательный старый
Свой отдала на грудь.

Все, что приходит, все то проходит,
Меркнут зениты дня.
Лето прошло, сентябрь на исходе,
И ты оставил меня.

Милый, мне рай без тебя не нужен,
За что судьба меня бьет?
С плачем рвется душа наружу,
В клетке скворец поет.

Стынет октябрь. Я себя забыла,
Стихло пламя в золе.
Боже, за что, за что получила
Я этот ад на земле?

И сердце подстреленной птицей пало,
И стал мне воздух стеной,
Когда на ярмарке я узнала —
Ты женишься на другой.

Выпь на болоте кричит, смеется
Сколько ночей и дней?
Ненависть, ревность пламенем бьется
В кузне старой моей.

Меха сдуваю и надуваю,
От сажи грязно лицо,
Зубами с пальца с силой срываю
И в горн бросаю кольцо.

Пляшет огонь, мой помощник пестрый,
И из кольца кую
Я наконечник смертельной, острой
Стрелки на смерть твою.

К болоту иду, камыш раздвигаю.
Плачу. И у моста,
Ветку с посаженного ломаю
Мною самой куста.

За горизонтом волк серый воеет,
И у окошка её
Вижу фигуру и вижу лицо я,
Слышу я сердце твое.
Сделан мой лук из рога оленя,
На тетиве – стрела,
Древко – орех, из скворца оперенье
Жало – из серебра.

Свист и удар. И падает тело
(Знала – не промахнусь).
С этого я и сама предела
Вряд ли уже вернусь.

...Хутор заброшен над темной балкой,
Знает вокруг народ —
Давней утопленницей, русалкой,
Женщина здесь живет.

Кто-то – «сжила, мол, измена со свету»,
Кто-то мрачно молчит,
Кто-то – «убила себя по обету»,
Кто-то – «убийца» – твердит.

Тихие там и песчаные мели,
Воздух тяжел, как свинец.
И только весною, только в апреле,
Песню поет скворец.

Рядом с мостом, прямо по-над осокой
(Дивится сему народ),
Всю жизнь свою бобылем, одиноко,
Древний старик живет.

То ли святой, то ли черт окаянный...
Болтают бабы окрест,
Что под рубахою домотканной
Странный он носит крест:

Согнут и смят этот крест нательный,
Крив, покорежен он,
Словно стрелы был удар смертельный

Этим крестом отражен...

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ

Всем жителям Земли, всем гражданам России
Пришло письмо, что, мол, закончился лимит,
И через три часа пришествие Мессии
Земной усталый цикл замкнет и завершит.

Мы все ушли с работ, мы выбежали с лекций,
В сомненьях и слезах, но веря в чудеса,
С наивных плоскостей меркаторских проекций,
Дыханье затаив, глядим на небеса.

Секунды истекли последнего кредита,
В безветренной тиши раздался долгий звук,
Как будто рвется ткань. И небо по зениту
Прореха рассекла, от севера на юг.

А мы, крича, молясь и Господу, и Сыну,
И Духу, сквозь поток неудержимых слёз,
И на колени пав, глядим, как Буратино
В наш мир сквозь старый холст просовывает нос.

ТЕМНАЯ КОМНАТА

Вот дача – садик и забор.
Внутри – недлинный коридор

И кабинет с горой бумаг,
Две спальни, кухня и чердак.

А вот – взгляните-ка на план:
За кухней маленький чулан.

В нем деревянный потолок,
В нем окон нет, в двери замок.

Никто лет десять эту клеть
Не потрудился отпереть,

Не тратя времени и сил,
А я попробовать решил.

Рассохлась дверь и вкривь и вкось,
Замок мне взламывать пришлось,

Наличник треснул пополам,
Но вот открыт чулан, а там —

Пустой квадрат, давно немыт,

И кошка круглая сидит!..

Живая! Голову клоня
Урчит и смотрит на меня.

Умылась.. И урчит опять!
И не могу я разгадать

Её секрет —
Сюда ж не влезть:
Окошка нет!
А кошка есть!

НОВЫЙ НАПОЛЕОН

Будет толпа толпою, тронем пребудет трон.
Пусть устарел кафтан, пусть умерла рапира,
Мир возродил героя, снова Наполеон
Строит побега план и покоренья мира.

Слугами нелюбим, в их зрачках пустота,
Резкие их слова кратки, как междометье.
Комната с часовым, комната заперта
В нашем от Рождества третьем тысячелетье.

Помнит он торжество черни и криков шквал,
Помнит ажиотаж, с визгом и хрипотою,
Как вязали его в миг, когда он кричал:
«Я император ваш, следуйте же за мною!»

Так же припухлы веки, так же щека кругла,
Так же петель не сбить, так же бездушны стены:
Как в позапрошлом веке, он за свои дела
Сослан навеки жить в замок Святой Елены.

Больше седых волос, но не забыты им
Звуки его команд и генералов лица,
И, бормоча под нос, карандашом своим
Чертит он вариант нового Австерлица.

Бывшее божество, дьявол для всех теперь...
Люди идут толпой, сторож трясет бородкой,
Пялятся на него, не открывая дверь,
Через окно, литой забранное решеткой.

А на дворе сыром в кучах гниет листва,
Там, у ворот стальных, слева от полисмена,
В мраморе ледяном высечены слова:
«Дом душевнобольных. Округ Санта Елена».

СТРАНА ЧУДЕС

Где-то в старой Англии, в Девоне,
Осенью, среди медленных улиток,
Женщина сидит на теплом склоне
И плетет венок из маргариток.

Книжка рядом, мнет собой травинки,
В ней знакомо все, и так все пресно.
Разговоры в ней, одни картинки...
Только детям это интересно!

Завтра она едет, коли стужа
На поля не грянет, на посевы,
Поиграть в крокет с сестрою мужа,
С герцогиней, в замке королевы.

Танцы будут там под звуки свинга,
Кукольный раёк с Шалтай-Болтаем,
Там есть настоящие фламинго,
Там ежей семейство под сараем.

Послезавтра все должно быть чисто
У нее в гостиной, как в музее, —
Шляпника, модистку и стилиста
Пригласила чаю выпить с нею.

Женщина хихикает, находит
Для веночка крепкую травинку:
«Как стилист на зайца мой походит,
А модистка – на морскую свинку!»

Не забыть сегодня из Чешира
Заказать, купить, доставить снова
К завтраку того полфунта сыра
В виде головы кота смешного.

Прошлый сыр был съеден – уши с носом.
От кота единственная малость
На лице на бывшем, на раскосом,
Сырная улыбка лишь осталась.

А сегодня по реке далекой
Вверх плывет далекая байдарка...
Небо с облаками-поволокой...
Как же скучно... Боже, как же жарко...

И момент пришел, момент прихлынул:
Вдруг через её лужок-поляну
Кролик пробежал, и кролик вынул
Что-то из жилетного кармана.

Падает веночек и книжка мнется,
Через лес из дуба и из тиса,
Позабыв про все, вдогон несется
Тридцатитрехлетняя Алиса...

...«Дорогой, смеяться ты до колик
Будешь над рассказом вот над этим:
Приблизился мне сегодня кролик,
Представляешь? – в бархатном жилете!

Я – за ним, девчонке только в пору
Бегать так, сама теперь не рада,
И нашла под деревом я нору
У восточной парковой ограды.

Я – стыжусь – сама была готова
Следовать за кроликом сначала,
В нору лезть, безумная корова...
Но потом одумалась, не стала.

Постояла пять минут над нею.
Завалить её, я полагаю...
Кто-нибудь еще сломает шею!
Сделаешь?» – «Конечно, дорогая».

FOR PRESENCE OF A HORSESHOE

*Не было гвоздя —
Подкова пропала...*

...

...

*Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице
Не было гвоздя.*

Цел был гвоздь —
Подкова не слетела,
Лошадь не споткнулась,
Лошадь уцелела.

Лошадь уцелела —
Командир живой,
А за командиром —
Всадники стеной.

И на поле битвы,
Конницей смятен,
Был разбит противник,
Взят противник в плен.

Пленные в оковах,

И для них стоят
Вплоть до горизонта
Виселицы в ряд.

Ну, а коль противник
В город бы вступил?
Приступом взял крепость,
Армию б разбил?

Все читали дети,
Что в такой черед
Было бы всё так же,
Лишь наоборот.

Результат погибших
Изменить нельзя,
Был ли или не было
В кузнице гвоздя.

ДЕТСКИЙ ХОР

Длины, и ширины, и глубины
Был полон день. По площади собора
Плыла весна, рожденная из хора,
И хор летел, рожденный из весны.

Потоками недавнего дождя
Промыл был город. Дети шли рядами
И ангельскими пели голосами,
По главному проспекту проходя.

Какой был это праздник для детей!
Их голоса входили в промежутки
Вокруг ладов простой пастушьей дудки
И двигались и с нею, и за ней.

Мелодия была так весела,
И так прекрасны голоса их были,
Что взрослые невольно выходили
На улицу, забыв свои дела,

Вслед за детьми. Но тут же, устыдясь,
Вновь ювелир садился за огранку,
Вздохнувши, плотник шел назад к рубанку,
Цыган – к цыганке, и к княгине – князь.

А хор летел стремглав и напрямиком,
А хор покинул стены городские,
В ворота вышел главные стальные
И замолчал, как срезанный ножом.

И снова онемели небеса,
Но в воздухе звенела отчего-то
Последняя ликующая нота —
Потом клялись – почти что полчаса.

Но звук истаял, и пронесся страх,
Почувствовали люди перемену,
И выбежали взрослые за стену
В чепцах, рванье, в шелках и кружевах.

И тишина, как смерть, была жутка...
Потерянные, словно на чужбине,
Родители тропы на середине
Нашли свирель речного тростника.

А за спиной отцов и матерей
В петле прозрачной трех речных излучин,
Их город, вымыт и благополучен,
Стоял, как склеп. Без крыс. И без детей.

ШУТ

Все повторится – в этом суть:
Жизнь и слова, дела, гробницы,
И взглянет шут какой-нибудь
В мои безглазые глазницы.

Забыв и мужество, и страх,
Безгласно и давно бездушно,
Я у него в живых руках
Лежу спокойно, равнодушно.

Как он умен, как он смешон...
Как счастлив он, как он страдает...
Я знаю то, что знает он,
И то, чего еще не знает.

Не поднимая вверх лица,
Он думает, как думал часто,
О странной гибели отца,
Канатоходца и гимнаста,

Что, всем законам вопреки,
Мать свадьбу новую сыграла,
Не износивши башмаки,
В которых мужа провожала.

А сам он – раб и царь царей,
На круглой, как Земля, арене,
Пугает и смешит людей,
Наедине один со всеми.

Не катаньем, так хоть мытьем...
Аплодисменты, крик и свисты...
Мир – это цирк, а в цирке, в нем
Все люди – зрители, артисты.

И мир смеется шуткам: «Бис!»
«Вот это клоун!», «Вот умора!»
И хлопает из-за кулис
Его любовь – сестра жонглера.

Кричат: «Вон сын наш! Каково!
Другие рядом с ним – подтирка!», —
Царица танца – мать его,
И новый муж – владелец цирка.

Круг завершается орбит
Луны, Вселенной, мира, сцены,
И гаснет солнечный софит
Над всей землей его арены.

Лежит забытое манто,
Уснул медведь вдвоем со львицей,
Мир мертв – распято шапито
На перекрестке плащаницей.

Цирк отошел, и в цирке спят
Полубогини, полубоги,
А он – куда глаза глядят
Идет, куда шагают ноги.

Вот поворот – один, другой,
И у ограды цикламены.
Там рядом с цирковой стеной
Стоят кладбищенские стены.

Он за оградой, внутри:
Кресты и бронзовые лица.
Здесь похоронены цари,
Здесь похоронены царицы.

Давным-давно мертвым-мертвы
Массовка, зрители, солисты,
И укротители и львы,
Жонглеры и эквилибристы.

Одна всем, равная цена
За жизнь предательств и возмездий,
И светит в этот цирк луна
Средь вечных зрителей-созвездий.

Он видит, замедляя шаг:
В пахучем саване жасминном
Разбитый древний саркофаг

С крестом седым, крестом старинным.

Жизнь – это сон, смерть – это сон,
И все на свете повторится,
И поднимает череп он,
И смотрит он в мои глазницы.

Спокойно попирая прах
Моих костей в смердящей гнили,
Сидит у смерти он в гостях,
Одной ногой в моей могиле.

Шут, клоун, рыцарь без герба,
Он размышляет, он не знает,
Что час его, его судьба
Исчислена и истекает,

Что уж ни яви и ни слов,
Ни снов, ни действий не осталось,
Что вышло что-то из пазов,
Подгнило что-то, расшаталось,

Что мойры ножницы острят,
Что нить натянута богами,
Что лопнет в вышине канат
Над сценой, под его ногами...

И все. Подошвами стуча,
Сюда, где черви и где слизи,

Четыре стащат силача
Его со сцены и из жизни...

А он сидит, а он глядит
В оскал гнилой, оскал мой адский,
И, усмехаясь, говорит:
«О бедный Гамлет, о принц Датский»...

НОВЫЕ ПРОРОКИ

...И был нам глас горящего куста:
«Я ваш Господь. И я вас избираю.
Даю вам жало мудрое в уста,
И в сердце уголь пылающийдвигаю.

По градам и по весям всей страны
Пойдете вы сквозь смерть и униженья,
Мной избранные дщери и сыны,
И в каждом есть мое благословенье.

Идите же». А мы вокруг стоим
Толпой из иудеев и из греков,
И ропщем мы, поскольку не хотим
Мы делаться ловцами человеков.

Кричим мы, что пророками гореть
Нам нужды нет! Бессмысленно! Опасно!
Что прорицать? На что нам здесь смотреть?
Чему учить? Когда и так все ясно...

И мы бежим, судьбе насупротив,
Предав самих себя самозабвением,
Профессию, нам данную сменив,
С печалью кто-то, кто-то – с облегчением.

Теперь влачимся по ночам и дням,
Так незаметны, хоть и вездесущи...
За ради хлеба Евы дочерям
Гадаем мы на картах и на гуще.

И рады мы тому, что мы живем,
Что не гремим в преступные набаты,
Что будем жить, покамест не умрем,
Что на крестах мы скопом не распяты.

Но вот мы слышим тихие сперва,
Но ясные, знакомые вещанья —
Пророков новых новые слова,
Предтеч новейших новые воззванья.

И мы кричим, мы голосим им вслед
Нам божеством завещанные строки:
«В отечестве своем пророка нет!
Нам не нужны, вы слышите, пророки!»

Но этим людям просьбы не указ.
Горды в своем смирении убогом,
Глядят на нас, глядят они сквозь нас,
И говорят: «Вы с Кесарем. Мы с Богом».

Мы понимаем: мы – или никто,
И тащим их, отбрасывая талес,
К Голгофе и к крестам тем самым, что
Нас ждали столько лет – и вот дождались.

Тринадцать раз по три избив плетью,
И на кресты вздевая их натужно,
«Мы с Кесарем! – кричим, – А ты возьми
Своё обратно, Боже! Нам не нужно!»

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ВОДЫ

Святой, истлевшей и старозаветной
Страницей первой, первую строкой,
Бессмертный Дух во пропасти бессветной
Над мной носился, темною водой.

Себя приняв за сердце и основу,
Я родила живое вещество
Комочком по Божественному Слову
Их хаоса движенья моего.

Жидка, двуводородна, однокисла,
Меж катаний людских, людских мытарств,
Текла я через Бытие и Числа,
По книге Иоиля, книге Царств,

Дождем чумы, чернилами закона
И кровью войн сквозь Ездру и Эсфирь,
Текла я песней песен Соломона,
Через Исайю, Судей и Псалтирь.

Стенами расступаясь, цепenea,
Чтоб пропустить евреев караван,
В Исхода день, по слову Моисея,
Смыкалась я над воплем египтян.

Священным меньшинством из легиона
Среди пока еще безгласных труб
Тянули меченосцы Гедеона
Меня с ладоней шестьюстами губ.

Полусыра, над почвой Палестины,
Летела смерть, уже полусуха,
На Голиафа шаром желтой глины,
Скрепленным мною в пальцах пастуха.

В водоворотах вечного прозренья
Ковался тихо с Миром рядом Меч,
И сорок два неспешных поколенья
Растила я пророков и предтеч.

И все сошлось по древней теореме
Одно тысячелетие спустя,
Когда перед волхвами в Вифлееме
Обмыли мной священное дитя.

Во время жатвы, помню и поныне,
Как иудейской теплою зимой
Под голос вопиющего в пустыне
Его крестила я сама собой.

И перед тем, как краткими словами
Он оторвал их от односельчан,
Во мне ловили старыми сетями
Андрей, Симон, Иаков, Иоанн.

В мирах обоих, явном и незримом,
Из корчащихся быющих людей
В пределах Завулона с Неффалимом
В меня ввергал он бесов и свиней.

В его устах спокойными словами
Наказ звучал, приказывал закон.
Я каменела под его ногами,
Когда по мне ступал спокойно он.

На Иерусалим, как из ушата,
Шел ливень жаб со мной напополам,
И я текла по Понтия Пилата
Холодным и трясущимся рукам.

А в будущем, все заданное сделав,
Как смертный гной из вспухшего свища,
Из мной самой назначенных пределов,
Я выйду в мир, свиваясь и хлеща.

И люди побегут, и скот заблеет.
Рожденные и мной, и из меня,
Всю Землю под копытами развеют
Четыре неподкованных коня.

Увижу семь смертей и семь зачатий,
Увижу меч и руку среди туч,
Семь ангелов откроют семь печатей,

И семь церквей возьмут из бездны ключ.

С кровавым ртом царица и блудница
Под зиккуратом затанцует вновь,
И Солнце станет словно власяница,
И диск луны – как спекшаяся кровь.

Весь мир, что я когда-то сотворила,
Сгниет в моей утробе соляной,
И снова будет так, как раньше было:
Слепая бездна с Духом надо мной.

НЕИЗВЕСТНЫЕ

Всё как всегда: сужается зрачок,
И жажда славы с гибельным исходом
Стрелой проходит прямо в мозжечок,
Пройдя под полушарий полусводом.

Покинув жен, детей, дома, страну,
Невест своих оставив у налоев,
Плывем на чужедальнюю войну,
Отмечены проклятием героев.

Нам волны и сирены нипочем,
Мы Скиллу и Харибду миновали.
Нам говорят: «Безумные!» – Учтём.
Нам говорят: «Погибнете!» – Едва ли.

Потомки невлиятельных богинь,
Плывем, уже почти достигли цели,
В мечтах лаская будущих рабынь,
Не ведая, что мы на самом деле —

Не более, чем воздух для бича,
Лишь зеркала, для отраженья стёкла,
Лишь фон, лишь жертвы тяжкого меча,
И даже не Ахилла, а Патрокла.

ДВЕ КНИГИ

Кентавры, боги, пифии, лапифы...
Лет восемь было мне, ну десять пусть.
Легенды древней Греции и мифы
Я знал и назубок и наизусть.

«Вначале был лишь Хаос безграничный,
Исток всего, всех мыслимых частиц...», —
Запев я бормотал давно привычный
С пяти обрывков первых двух страниц.

Дыхание рвалось на этих строчках,
И видел я, один среди слепцов,
Что можно лишь на порванных листочках
Читать рожденье мира и богов.

И я читал – от верхней и до нижней
Обложки, от доски и до доски,
До точки неизменной, неподвижной,
Последней, заключительной строки.

Там слышались героев исполинских
Удары, стоны, треск мускулатур,
Там были фотографии афинских
Гробниц, и ваз, и фресок, и скульптур,

Фигуры Илиады, Одиссеи,
Геракла булава, Дианы грудь...
А чуть позднее, в Пушкинском музее
Увидел я их мраморную суть.

Я столбенел колонною свинцовой,
Не верил мозг, не верила моя
Бессмертная душа, что за грошовый
Билет все видят тайны бытия.

Но по тому, как большинство, бесстрастны,
Не замедляют взглядов и шагов,
Я понял быстро – люди непричастны,
Глухи и слепы к магии богов.

Идут, смеясь, по каменному цирку,
Не ведая, зачем, какой закон
Позволил, чтоб привязывали Дирку
К рогам воловьим Зет и Амфион.

Несчастные и варварские души,
Не знаете ни альфы, ни аза!
Не слышите, имеющие уши?
Не видите, раскрывшие глаза?

А вперемешку с Кадмием и Паном,
Читал я в сотый раз, сходил с ума
От трех друзей с гасконцем д'Артаньяном
В тяжелой старой Библии Дюма.

Получены в подарок, иль с базара
Принесены, друг друга оттеня,
Не знаю, почему, два экземпляра
«Трех мушкетеров» были у меня.

Один – макулатурный, с фронтисписом,
Чуть кособокий, крепко сшитый том.
Портос, Атос там были с Арамисом
И шпагами на фоне голубом.

Другой – потолще, маленькой ладошкой
Я мерил переплет его витой,
С картонною оранжевой обложкой
И вырванною первую главой.

Какою эта книга мне казалась,
Констанцией средь прочих дульциней!
Раскрытая, раскрытой оставалась,
И буквы были четче и крупней.

А главное – две чудные картинки,
Бумагой папиросною шурша,
В ней трепетали в самой серединке,
Как вдох и выдох, сердце и душа.

Я помню, что одна изображала
Заросший двор французского кремля,
А в нем дуэль гвардейцев кардинала

И верных мушкетеров короля.

Упавший с невысокого откоса,
Лежал там в окровавленном гнилье,
Убитый в горло шпагою Атоса,
Де Каюзак, любимец Ришелье.

А на другой картинке, у бокала,
В огне предсмертном плача и горя,
От боли содрогаясь, умирала
Констанция в стенах монастыря.

И истиною было несомненной,
Не говорил хоть этого я вслух,
Что тайна окружающей Вселенной
Заклочены в картинках этих двух.

Давал я клятву, что любой ценою,
Что уже точно, тысяча чертей,
Сейчас узнаю, вырву и раскрою,
Секрет бесценный этих двух смертей.

Не раскрывал... И мне уже в привычку
Вошло, что ладно, бог с ним, не сейчас,
И знал я, что смогу, найду отмычку
Теперь бесспорно, в следующий раз.

Де Бражелон, Мордаунт, Навсикая,
Герсит, Селена, герцог де Бонне, —

Так смешивались книги, проникая
Одна в другую, в яви и во сне.

По воздуху крылатые драконы
Несли приказ, что отдал кардинал,
Палач из Лилля голову Горгоны
И голову миледи отрубал,

Передавали Анна и Медея
Подвески с бриллиантами затем,
Чтоб в них на свадьбе Тетис и Пелея
Мог красоваться герцог Бэкингом,

С мешочком полновесных луидоров
Летел, привязан к огненной стреле,
Патент на лейтенанта мушкетеров
На борт Арго в порту Па-де-Кале.

Бессмертные герои-побратимы
На многие года, на сотни миль,
Непобедимы, неуничтожимы, —
Атос, Ясон, Адмет и де Тревиль.

Неуязвимы шпагой никакою...
Но почему, какой же был резон,
Что я с такой тяжелою душою
Вновь открывал «Виконт де Бражелон»?

Взрывалась бомба этого вопроса

Пороховым разрывом из теснин,
Но все равно читал я: «Смерть Портоса»,
Часть номер три, глава тридцать один.

И, уходя по сумрачной дороге,
Один, другой, за дальний горизонт,
Встречали смерть герои-полубоги:
Геракл, Аякс, Ахилл, Беллерофонт.
Уже летел снаряд из-за бойницы,
А я листал, хоть жалкий был предлог,
Всё медленней тяжелые страницы,
Чтоб д'Артаньян пожить подольше мог.

О, боги мои в панцире крылатом!
Оплакивал я, малое дитя,
Над книгой ваши сумерки с закатом,
Где двадцать лет, где тридцать лет спустя.

Покинув ваши склепы и гробницы,
С обломками Арго оставив мель,
Читал опять я первые страницы
Про Хаос, про Рошфора и дуэль.

Я закляну, я отведу невзгоду!
На этот раз изменится мой миф!
Другим путем прорвусь я на свободу,
Как новый заключенный замка Иф.

Пропустит Одиссея злая Скилла,

Над Пейрифом смиляется мгла,
По моему велению Ахилла
Минует равнодушная стрела.

Я прорицаю, Пифией провижу,
И знаю что, купив билет в музей,
Над мраморным Патроклom не увижу
Резню его врагов, его друзей,

Казнь Стюарта, конечно, будет мнимой,
Эдипа жизнь не будет так горька,
И выбьет д'Артаньян из рук любимой
Бокал вина до первого глотка.

Отпущенные все призвав мне силы,
Читал захлеб, сидел я взаперти...
...И оставалось все так, как и было,
Опять я никого не мог спасти...

И я забыл двойной священный свиток,
И щит, и меч, и шпагу, и мушкет.
Прошло с тех пор, с горячечных попыток
Все изменить, почти что тридцать лет...

И лишь вчера, внезапным третьим зреньем,
Открывшимся, как светлое окно,
Уже ненужным, поздним озареньем
Я понял все – и страшно, и смешно...

Беспомощный, бессильный и бессонный,
Я тщетно бился об страницы лбом, —
Так и Господь, должно быть, в миллионный
Читает раз всей жизни нашей том.

Он знает – все, как прежде, бесполезно.
Кто был каков, останется таков,
И поступью пройдут полки железно,
И будет плач со скрежетом зубов.

Он знает – нет преграды этой силе.
И коль тогда, как ни был бы он свят,
Пророка осудили и казнили,
Теперь опять осудят и казнят.

С уверенностью той же, тот же голос
Все то же скажет, не наоборот,
И ранее не падал если волос,
Он и сейчас с главы не упадёт.

...И все стерев и давши выход гневу,
В который раз, среди райских лопухов,
Господь, вздыхая, вновь подводит Еву
С Адамом к дереву, полному плодов.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

В центре полночи осовелой
Я пера треугольной стелой
На площадке бумаги белой
Свой рисую автопортрет.

Опоясанный силой вышней,
Четырех- или восьмистишный
То вношу, то стираю лишний,
Отягчающий мысль куплет.

От корчмы к караван-сараю
Я пунктиром подошв шагаю,
Разделяю, пересекаю
Горизонта волшебный круг, —

Напрямую, наудалую,
Ног своих под собой не чую,
Справа запад, восток – ошую,
Сзади север, а прямо – юг.

Лес редет, как старый ворот:
То приметан, то снова спорот,
Слева город, и справа город,
Сверху воздух, внизу земля.

Я иду по лучу проспекта,
Как в учебнике старом Некто
Шел к перфекту от имперфекта,
К бесконечности от нуля.

Прямо – кремль, за спиной застава,
Церковь вон, как дракон, трехглава,
Слева – здания, площадь – справа,
Сверху небо, внизу асфальт.

Вот живу – не судите строго,
С неба смотрит Луна двурого,
Тенор тему выводит бога,
Тему черта выводит алыт.

Вот и люди – из крови, плоти,
Приближаясь по асимптоте,
Вы ко мне, от меня идете,
Впереди или позади:

В амфибрахии и в хорее,
Кто медлительно, кто – скорее,
Символ лунный у вас на шее,
Символ солнечный на груди.

Колоском среди многих пашен,
Колокольной одной из башен,
Я кому-то немного страшен,
А кому-то слегка смешон.

Вот пишу, но чего же ради?
При таком и другом раскладе
Вечно будет эпиграф сзади,
Как мой собственный эмбрион.

О Адам, о Лилит и Ева!
О Ахилл, о богиня гнева!
Растекаюсь по жизни древу
В междуречьи моих чернил.

Дай мне, дай мне, прошу я бога,
От пролога до эпилога
Ясность мысли и легкость слога,
Вдохнови меня, дай мне сил.

Дай удачи и дай отваги
Избежать и свинца, и шпаги.
...Справа, слева – моей бумаги
Правых, левых полей предел...

В строф стене пробелов бойницы,
И иду вдоль своей страницы
Я по рифмам, как по границе:
Влево шаг, вправо шаг – расстрел.

Возмущаться не стоит много:
Сам ведь задал размер я строго,
Чтоб не стёр, не добавил слога

В уравниенье своих стихов.

Как в наличниках уголки,
Как серьгой украшают мочки,
Две последних рифмую строчки
Каждой пары соседних строф.

Жизнь рисуется слабой, сильной,
Рукописной чертой чернильной,
На бумага листок стерильный
Самое себя нанося

Без задержек (с какой бы стати?)
И сужаясь, уж будьте-нате
Перспективную к точке, к дате
Окончания всех и вся.

Образ в белой бумажной раме —
Я дописываю мазками
Контур, чуть шевеля губами
Отражения моего.

Вот на месте каждое слово.
На портрет я гляжу. Готово.
И вздохнув, как и раньше, снова
Перечеркиваю его.

SUUM CUIQUE

В десятом, сотом, тысячном сюжете,
В мирах различных разных величин, —
Своё безумье каждому на свете,
И каждый жаждет:
Господа один

Коленопреклоненно просит силы,
Второй блажит о мудром Короле,
Желает третий правды на Земле
(Поскольку ложь умы заполонила),

Хрипит четвертый – правда слишком колет,
А пятая – что слишком молода,
Шестая – что безвременно седа,
И о бессмертья с молодостью молит,

А я все жду – когда сложить позволят
Мне слово «ВЕЧНОСТЬ» из кусочков льда.

И то сказать: зима, подходит срок,
Пора – коньки, снежинки, смех, каток.

КОНСТАТАЦИЯ

Я равнодушен, я полностью равнодушен.
Вечен, как абсолют, как Вавилон, разрушен.

В спектре души моей, вечной и монохромной,
Светлая часть равна полностью части темной.

Левой рукою я, праздною и лукавой,
Всё разрушаю то, что создаётся правой.

Зыбь осушив, хлещу я наводнением сушу,
Сам свою сущность, суть, сердце свою и душу

Пеплом испепелив, пламенем пламенею
В тянущиеся век сутки моей Помпеи.

Жизнь моя, то ль назад, то ли вперед влекома:
Дважды за день, входя и выходя из дома,

Полуслепым скользнув взглядом, лицо в лицо, я
Сталкиваюсь в дверях снова с самим собою.

Не примирить мне мощь дела и силу слова,
Каждый мой шаг встает вечным распутьем снова,

Где, от себя закрыт только одним моментом,

Сам же себе стою бронзовым монументом.

Найден самим собой, сам у себя украден,
Я на самом себе взвешен и легким найден,

Словно Гермес, лукав, как Ганимед, послушен,
Я равнодушен, я полностью равнодушен.

Свято я не живу, хоть не живу порочно,
Вроде не близорук, не дальнорук точно,

Но на письме моё с детства двоится зреньё:
В каждой балладе и в каждом стихотвореньи

Звуки начальных строк, до запятой, до точки,
Эхом звучат всегда самой последней строчки.

Все мои беды суть дети одной хворобы:
Что бы ни начал я и ни закончил что бы,

Под руку шепчет мне скромность или тщеславье
Кончить за упокой все, что начну за здравье.

Мучаюсь я – и пусть глас мне ответит божий,
Кто же первичен – я или второй, похожий

Так на меня, вон тот, там, за зеркальной гранью,
Равный в движеньях мне, внешности и по знанью,

Вечный вопрос (хотя все суета из сует):
Кто же из нас двоих пишет, и кто диктует?

Сам же в себя влюблен, сам от себя отсушен,
Я равнодушен, я полностью равнодушен.

Как бы ни бушевал, ждет вдалеке затишье:
Вот, написав уже двадцать одно двестишьё,

В них отрицаю сам, ветреный и дремотный,
Четную строчку я каждой строкой нечетной.

Ставлю всю жизнь мою, мучимый вечной жаждой,
Лыком себе в строку минус и плюстик каждый,

Сам же себе не дав вечной свободы шанса,
Взаимопоглотясь, все приведя к балансу,

Нету для тела дел, нет для души отдушин,
Я равнодушен, я полностью равнодушен...

DER FLIEGENDE HOLLÄNDER

Когда разбил от борта и до борта
Шторм в щепки лодку утлую мою,
Я испросил бессмертия у черта,
И черт сказал: «Бессмертие даю.

Вот тебе шхуна. Через все препоны
Ты можешь плыть, спокойным можешь быть:
Её ни Зевсу и ни Посейдону
Ни молнией не сжечь, не потопить.

Моря – твои, куда хватает зренья,
Вставай на мостик новенький, рули,
Вот твой компас, плыви без опасенья
К любому порту маленькой Земли».

И я стою за бронзовым штурвалом:
Поеду за рулонами шелков,
Поеду я в Малайю за сандалом,
Иль в Африку за сотнею рабов.

И, новое начав существованье,
Чтоб быть знакомым, полностью у дел,
На корабля червленое названье
Я, перегнувшись за борт, посмотрел.

Я бормочу бессмыслицу созвучий:

Закрыло имя пеною волна.

«Голландец»... Что? Не видно... А, «летучий»!

Ну что ж, я видел хуже имена.

ДВА БРОДЯГИ

Каждый проходя своей тропею,
Встретились под дубом величавым
Ветреную раннюю весною,
Два бродяги – толстый с худощавым.

Сели, отдыхали и болтали
О судьбе, о жизни, зодиаке,
И кусочки ветчины давали
Черной приبلудившейся собаке.

«Я хожу себе, не зная горя,
По земле, шаги мои упруги,
Я без страха плаваю по морю
В поисках невесты и супруги.

Знаю, отыщу свою красотку,
Я найду, я выдержу, не струшу», —
Толстый говорил, глотая водку.
Тонкий отвечал, кусая грушу:

«У меня сложилось по-другому:
Я испил несчастья без меры,
Но теперь свободен я, из дому
Убежавши от жены-мегеры».

Завязав, надев мешок заплечный,
По земле подсохшей поднебесной,
В долгий путь, возможно, бесконечный,
Никому на свете не известный,

Каждый в свой, вздохнув и оглядевшись,
Толстый с тонким зашагали снова.
А собака, ветчины наевшись,
Убежала, не сказав ни слова.

БАРХАТ

Ты знаешь – он придет, напудрен, крючконос,
И банты на плечах пурпурного сатина,
Ты знаешь – он задаст в последний раз вопрос:
«Пойдете за меня вы замуж, Катарина?»

Когда прибудет он при свите негритят
В расшитом серебром и золотом поргшезе,
Тогда оденешь ты свой бархатный наряд,
С запахом у бедра и цвета Веронезе.

В надушенной его руке лежит кольцо —
Подарок для тебя, на перевязи шпага,
И жизнь твоя на миг замрет на острие,
На шаг от своего решительного шага.

Пусть полдень будет «да», пусть полночь будет «нет»,
А вечер и рассвет – ничьими, никакими.
Чуть-чуть короче ворс – получится вельвет,
Чуть-чуть длиннее – плюш, а бархат – между ними.

Вот он перед тобой, парик его завит,
Он смотрит на тебя любовно и тревожно...
Ты в бархате стоишь, и в бархате стоит
И ждет меж «да» и «нет» – великое «возможно».

Пройдут помолвки дни в предсвадебной страде,
В соборе прозвучат торжественные строчки,
И мужем он заснет в твоём алькове, где
Проснулся яд в ларце и в бархатном мешочке.

ГАДАНИЕ

Полностью – нет, но полу-видящий взгляд во взгляд,
Коврик. И две цыганки, женщины две сидят.
Сидят на коленях, близко, так, что ноги одной
Касаются юбкой красной синей юбки другой.
У той, что слева – потоки прозрачных её седин
Идут параллельно темным складкам борозд-морщин.
У той, что справа, ресничек на каждое остриё
Нанизаны бусы сонных семнадцати лет её.
Кверху ладонью держат обе из ворожей
Подруги левую руку в правой руке своей.
Слышит с гневом и страхом, радостью и тоской,
Вторая судьбу от первой, а первая – от второй.
Девчонка древней старухе воздуха сквозь стекло
Гадает о том, что было, о том, что уже ушло.
Пророчит девчонке старый черный беззубый рот
О будущем, о грядущем, о том, что произойдёт.
Шепчут они друг другу, звук различим едва,
Поочередно, тихо, знаний своих слова:
«Ты шестерых убила». – «Ты четырех убьешь». —
«Ты родилась в субботу». – «В пятницу ты умрешь». —
«Ты в темнице сидела». – «Будешь и ты сидеть». —
«Двух ты мужей имела». – «Будешь ты трех иметь».
Сидят, у обеих кожа муарова и смугла,

Полу-отображая друг друга, как зеркала.
Девочка и старуха, наедине вдвоём,
Видят себя напротив, в Будущем и в Былом.
«Господи, дай мне силу». – «Господи, успокой».
«Я ведь тобою стану». – «Я ведь была тобой».
И, сколько бы ни клали, что бы ни говоря,
Боги на плаху года голову декабря,
Сядут они – и юбка огненного сукна
Тронет другую юбку, синего полотна.
И, по руке гадая, взором ладонь свербя,
Предвосхитят друг другу снова самих себя.

БУЛЬ

Недавно вычесанный буль!
Своим пером изображу ль,

Как, императорски хорош,
На землю царственно кладешь

Ты продолжение хребта —
Обрубок толстого хвоста?

Живот, подернутый жирком,
Рифмует в выдохе одном

Округлость ляжек позади
И белое пятно груди.

Ты гипнотичен, как кошмар,
Чуть-чуть утоплен в тротуар

Когтей очиненный графит,
А шерсть короткая блестит

Прохладой серой полыньи.
На помесь жабы и свиньи,

С клыками тигра, глазом льва

Твоя походит голова.

Хозяин твой, аристократ,
Буэнос-айресский экспат,

Известный всем как дон Хесус,
Стоит и гладит черный ус

Одной рукою. А другой
Ошейник крепко схвачен твой.

Ошейник сделан на заказ,
Со звездочками крупных страз.

Выписывает их витьё —
И-У-Д-А – прозвище твоё.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Все мне дано, как Пандоре, сполна,
В этой стране я такая одна:

Сотворена для земных королей
Из паутин шелковичных червей,

И золотое сеченье мое
Ножниц кроило стальных острие,

Сшита я крепко, от альф до омег,
Хлопковой белою нитью навек,

Были обмётаны парой портних
Восемь петель золотистых тугих,

Вставлен для пуговиц в обод стальной
Заподлицо перламутр голубой,

Дышит, трепещет, и бьется листок,
Сердце моё, из батиста кусок,

Вшит он подмышкою, вот, посмотри —
Сложенный вчетверо, слева, внутри.

Всё о моих благородных правах

Сказано там на пяти языках:

«Гладить сквозь марлю, на мягком пару,
Мыть лишь вручную, сушить на ветру».

Ткани точнейший состав. Модельер.
Производитель. Артикул. Размер.

Я совершенна сияньем моим,
За исключением только одним.

Этим обязана я пустяку:
Дырочке, проткнутой в белом шелку,

А от неё по диаметру вширь
Красная клякса, как мерзкий волдырь.

Кровь и прореха... Из разных потерь
Эту поправить возможно, поверь:

Грязь отстирать и на белую нить
Все залатать, аккуратно зашить.

И не иначе. Воды волшебство
Смоет позора пятно моего.

И не иначе. Вернется уют.
Высушат, выгладят, шелком зашьют.

Лишь не забудьте вы в этой возне
Вынуть лежащее тело во мне.

Пусть удобрением, жирным сырьем
В мягкий зарюют его чернозем,

Станет живым, то, что было мертво:
Вырастет дерево пусть из него,

Пусть шелкопряд на двенадцатый год
В дереве этом свой кокон совет,

Пусть этот кокон растянется в ткань,
Пусть рассечет её острая грань,

И возвратится все, шпулькой снуя,
Снова на петли и круги своя.

ПАДЕНИЕ

Ногами вверх и книзу головой —
Литой продукт одной из наковален,
На шарика поверхности кривой
Трехмерным Иисусом я распялен.

В сеть параллелей пойман, неделим,
Тончайшим слоем окисла размазан,
В себе самом же замкнут, недвижим,
Экватором крест-накрест перевязан.

Во власти тяготения земной
Лечу в воздушном, призрачном колодце.
Я вижу смерть, булыжник мостовой,
К нему несусь – и он ко мне несется.

Я не один – здесь тысячи шаров,
В падении с наклонных пьедесталов,
Размеров разных, тяжести, цветов,
И сделанных из дюжин матерьялов.

Различная экватора длина
У всех шаров, но при любом охвате
Нас исчисляет формула одна:
Четыре пи на радиус в квадрате.

Успев подумать – что? Не помню что,
И площади почти уже касаясь,
Уйдя почти в загробное ничто,
До смерти за мгновенье... просыпаюсь.

Нет времени на пыльный сонник мне
Ни в этом, ни в каком другом катрене.
Взлетаю я, уже забыв о сне,
На двести девяносто три ступени.

Готовый к бою и почти в бою,
Слегка дрожа, озябший, напряженный,
И с шариком в ладонях, я стою
У парапета башни наклоненной.

Коль есть закон – его хотят узнать...
Меж парных ударений двух спондеев
Вниз шарики готовятся бросать
Таких же миллионы Галилеев.

И снова мир не достигает дна,
И новый мир становится итогом.
Вздыхнув, от человеческого сна
Я просыпаюсь всемогущим богом.

Покорная движеньям моих рук,
И остальному служащая мерой,
Вселенная вращается вокруг
Меня четырехмерной гиперсферой.

В ней нет начала и конца в ней нет, —
Бесстрастный глаз в невидимой глазнице,
В ней бесконечность шариков-планет
Плывет в параболической темнице.

Летят планеты в бездне мировой,
Взрываются, рождаются, снова вянут,
И каждый шарик пленкою живой
От полюса до полюса затянут.

Разумные, живые существа,
На всех планетах разные по виду,
Не знающие своего родства,
Не ведающие свою планиду.

Последнего достигнув этажа,
Желая знать всю правду о законах,
И триллионы шариков держа,
Они стоят на башен триллионах.

Завидую. Я бог, в конце концов...
В желаньи равноценного познания
Вселенную сжав пальцами с боков,
Её швыряю с башни мироздания.

Сейчас падет, исчезнет пелена,
Что все узнают, то и я узнаю!
И снова тьма. И снова ото сна

Свои глаза, зевая, протираю.

Сквозь слой летящий воздуха тугой,
На миллиметры не достигший тверди,
На шарика поверхности кривой
Распят я за мгновение от смерти.

БЕРИ

Вот тебе слово,
Вот тебе сталь,
Вот тебе радость,
Вот и печаль,

Вот тебе латы,
Вот тебе меч,
Вот тебе пауза,
Вот тебе речь,

Вот тебе золото,
Вот тебе грош,
Вот тебе правда,
Вот тебе ложь,

Вот тебе войны,
Вот тебе мир,
Хочешь зенита —
Возьми и надир,

Вот тебе Пасха,
И вот тебе пост,
Вот тебе пропасть,
Вот тебе мост,

Вот тебе дьявол,
И вот тебе бог,
Вот тебе выдох,
И вот тебе вдох,

Жаждешь ты неба —
Возьми же и твердь,
Жизнь себе хочешь —
Возьми же и смерть.

ЖЕНА ВИКИНГА

Ждала его ты в шопоте молений,
На берегу, среди каменных громад,
Отдалена на сорок поколений,
Почти тысячелетие назад...

Он возвратится, грозными богами
Хранимый, сквозь туманы сентября,
Толкая воду вёслами-крылами,
На пенных перьях паруса паря.

Трап вытянется темной пуповиной,
Он ступит молча на́ берег родной,
И поцелует прямо под орлиной
Фигурой корабельной носовой.

И припадешь ты, королева в сказке,
От счастья плача громко, горячо,
К его кровавой, грязной перевязке,
Наложенной на левое плечо.

Вода бежит, века идут, и в третье
(В наш мир, в наш век, в иную плоть и кровь)
От рождества Христа тысячелетье,
Себя забыв, рождаешься ты вновь.

Все тот же взгляд, пронзительный и синий,
Все тот же шрам чуть видный на скуле,
В твоей руке с рисунком тех же линий —
Поэма о приплывшем короле.

Прибрежных скал чуть сточенных касаясь,
Всё чувствуя, не вспомнив ничего,
Ты ждешь, сама себе не признаваясь,
На птичьем корабле домой его.

ПУТЬ

Ночь. Облака. Горизонт. Собака.
Ветер. Земля. Бетон.
Здания. Стертый знак зодиака.
Полночь. Вагон. Перрон.

Улица. Тень. Поворот направо.
Бабочка. Взмах руки.
Гравий. Щебёнка. Песок. Канава.
Скрип. Переход. Мостки.

Черная кошка. Фонарь. Монеты.
Урна. Подъезд. Сирень.
Дверь. На себя. Два листа газеты.
Ящики почты. Тень.

Нужный этаж. Полушар звоночка.
Волосы. Пот. Платок.
Куртка. Карманы. Брелок. Цепочка.
Ключик. Замок. Щелчок.

Коврик. Порог. Коридор. Гардины.
Комната. Полумрак.
Стены. Обои. Цветы. Картины

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.